

ВАДИМ ЯКУНИН

профессор

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Патриотизм в системе ценностей советского руководства накануне и в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны, когда встал вопрос о физическом выживании народов СССР и существовании государства, в национальной, как и в религиозной политике советского руководства произошёл кардинальный поворот. В связи с этим представляет интерес эволюция взглядов советского руководства, обратившегося с начала 30-х годов к государственным, национальным ценностям.

Тенденции к смене курса были очевидны ещё в предвоенные годы. 14 марта 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) “О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении”, в котором ЦК потребовал “решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке”. 27 апреля 1934 года митрополиту Сергию (Страгородскому) было разрешено совершить торжественное богослужение в патриаршем соборе, на котором он был провозглашён митрополитом Московским. В богослужении приняли участие 20 епископов, 44 священника и 15 диаконов (25, с. 180). В 1934 году появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории в школе. В этом документе, подготовленном Сталиным, Кировым и Ждановым, давался обзор важнейших событий отечественной истории, как отмечалось, неправильно до того оценивавшихся. В нём впервые говорилось о Великой России, её национальных героях, признавалось положительное значение Крещения Руси для развития её культуры. Последнее было особенно важно накануне 950-летия одного из важнейших событий в истории России.

В 1936 году вышло постановление ЦК партии, осуждающее антицерковную и антинациональную пьесу Демьяна Бедного “Крещение Руси”. В 1937 году ведущий советский исторический журнал “Историк-марксист” опубликовал статью С. В. Бахрушина о положительном значении Крещения Руси (2, с. 40–77). Даже журнал “Безбожник” был вынужден обратить внимание на этот не столько государственный, сколько церковный юбилей (3).

В марте 1936 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории”. 14 марта 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей” (32, л. 8).

Конституция 1936 года закрепляла существование Советского государства уже не как переходной формы, а как некоторой данности, этим актом реабилитировалась сама идея государства. В марте 1939 года Сталин разъяснил

на XVIII съезде партии, что в условиях социализма, победившего в одной, отдельно взятой стране, находящейся под угрозой военного нападения извне, необходимо иметь достаточно сильное государство для защиты его завоеваний (7, с. 263).

Такое сильное государство всё больше ассоциировалось с государством русским. Мощь и огромное значение прежнего русского государства отныне представлялись как позитивные факторы русской и мировой истории. Кино и официальная пропаганда стали воспевать национальных героев прошлого: Дмитрия Донского, Петра Великого, Александра Суворова, Михаила Кутузова. В 1939 году выходит фильм С. Эйзенштейна “Александр Невский” с его проникновенным призывом: “Вставайте, люди русские!” В 1937 году была широко и торжественно отмечена 125-я годовщина Бородинского сражения. Тогда же появился “Краткий курс истории СССР”, где признавалась цивилизаторская роль Русского государства. Советское государство, объединившее все народы бывшей Российской империи, рассматривалось как преемник этой великой миссии (7, с. 263). В 1940 году была ликвидирована пятнадцатидневка и восстановлен выходной день в воскресенье.

В 1937 году в СССР была проведена перепись населения. В анкете переписи содержался вопрос о вероисповедании. Согласно полученным данным, 1/3 городского и 2/3 сельского населения страны продолжали считать себя православными и не скрывали своей веры от счётчиков (15, л. 95-96; 34). Перепись 1937 года показала полную несостоятельность прежней воинственно-атеистической идеологии.

В предвоенные годы, несмотря на смягчение антирелигиозной пропаганды и прекращение массовых репрессий духовенства и верующих, не произошло кардинальных перемен в отношениях Советского государства и Русской Православной Церкви. Были тенденции к смягчению антирелигиозного курса, но сам курс оставался прежним. Советское руководство начинало постепенно осознавать невозможность проведения прежней политики по отношению к религии и Православной Церкви как хранительнице русского национального самосознания.

Обстоятельства, при которых началась Великая Отечественная война, и её ход на протяжении первых двух лет сражений с достаточной ясностью выявили тот факт, что в противовес существовавшим иллюзиям водораздел между враждующими сторонами проходил не по классовому, а по национальному признаку, и разделяли их не столько интернациональные классовые интересы, сколько национальные границы. Советское правительство почти с самого начала войны стало усиленно культивировать чувство национального патриотизма среди народа, и это был не единственный факт “приспособления” к меняющейся ситуации (6, с. 461).

Во время встреч с чрезвычайным уполномоченным президента США У. И. Гарриманом на Московской конференции 29 сентября – 1 октября 1941 года И. В. Сталин откровенно признал: “Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию” (1, с. 204; 5, с. 257; 23, с. 204).

В годы войны ни одно из положений коммунистической идеологии не было отвергнуто или даже слегка пересмотрено. Но реальное содержание “идеологической работы в массах” изменилось резко и принципиально, обретя несомненные национально-патриотические черты. При этом пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной.

Русские ценности, национальные и патриотические, частично реабилитированные государственным курсом в конце 30-х годов, с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 года. Не случайно, что Сталин в этой речи избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к национальному единению: “Братья и сёстры! Смертельная опасность нависла над Отечеством”. Ссылки на великий русский народ “Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова” прочно заняли своё место в идеологическом контексте *священной войны*. Принимая 7 ноября 1941 года парад уходящих на фронт войск, Сталин призвал их вдохновляться в сражениях “мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского,

Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова” (31, с. 7, 37). В тяжелейшие дни начала войны Сталин, может быть, “инстинктивно понял”, а скорее, исходя из сугубо рационалистических и прагматических соображений, пришёл к заключению, “что ни его социальная система, ни власть не удержатся под ударами немецких армий, если не обратиться к исконным стремлениям и самобытности русского народа” (22, с. 41).

Восстановление традиционных ценностей в армии, отказ от института политкомиссаров в пользу принципа единоначалия были шагами в этом направлении. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ – первый среди равных – несёт основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам нацистскую пропаганду, подчёркивались исторические связи, объединявшие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий. В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали продвигаться национальные кадры.

Утверждению идеологии, сделавшей ставку на идеи патриотизма и народности, сопутствовала возрастающая персонификация высшей власти на вершине государственной иерархии, выразившаяся в концентрации всех полномочий, гражданских и военных, в руках Сталина. Выправляя сильно пошатнувшееся вначале положение (в том числе из-за собственных ошибок), Сталин сумел, благодаря победам Красной армии, особенно под Сталинградом, и росту своей популярности на международной арене, стать воплощением вновь обретенной национальной гордости. Даже зарубежные историки признают тот факт, что его личность отождествлялась с высшей ценностью – Родиной, а солдаты шли в бой “За Родину, за Сталина” (7, с. 319–322).

Обращение к славным страницам национальной истории сыграло чрезвычайно важную роль в стимулировании сопротивления захватчикам. Но теперь эта минувшая слава России становилась для Сталина одним из доводов в пользу преемственности его власти по отношению к старому Российскому государству. Этот довод становился важнее, нежели напоминание о революционных истоках нового государства, родившегося в результате разрыва с прошлым. В своём кабинете Сталин распорядился повесить рядом с фотографией Ленина портреты Суворова и Кутузова (4, с. 173). 29 июля 1942 года по его личному указанию был учреждён орден Александра Невского – князя, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых (10, с. 72). В начале 1943 года в вооружённых силах были восстановлены мундиры и погоны старой дореволюционной армии. За этой реставрацией последовала другая: были воскрешены старые чины для разных отрядов государственной бюрократии, также облачившейся в мундиры. Меры такого рода были введены сначала для работников судебного ведомства, потом – для дипломатов (27; 28).

Для детей, потерявших на войне родителей, были учреждены специальные училища, названные в честь Суворова и Нахимова. Их задача состояла в подготовке детей к военной карьере: в учреждённом указе уточнялось, что в качестве образца им будет служить “старый кадетский корпус”, ликвидированный революцией (29). 1 января 1944 года сменился также официальный гимн Советского Союза. В этот день “Интернационал”, с 1918 года служивший гимном СССР, был заменён гимном во славу Родины (30).

22 мая 1943 года распускается Коминтерн, в связи с чем выходит постановление Моссовета: “Бывшую улицу Воздвиженку (в то время “имени Коминтерна”) переименовать в “имени Калинина”. Вскоре после этого И. В. Сталин в ответе на вопрос корреспондента агентства Рейтер признал, что роспуск Коминтерна “облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развёртывания борьбы против фашизма” (31, с. 99; 26). Параллельно с ослаблением Коминтерна, завершившимся его роспуском, усиление патриотических тенденций привело к оживлению идей панславизма. Россия вновь вернулась к старому и испытанному инструменту своей внешней политики – поиску друзей среди братьев по крови за рубежом.

4 сентября 1943 года Сталин принял в Кремле руководство Церкви: митрополитов Сергея (Страгородского), Алексея (Симанского) и Николая (Ярушевича). Все вопросы, которые были поставлены иерархами: о созыве архиерейского собора и выборах Патриарха, возобновлении деятельности Священного

Синода и духовных учебных заведений, возможности издания религиозной литературы, открытия храмов, об освобождении из мест заключения архиереев и священников – были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православной Церкви в СССР (11, л. 1–10).

Вот что говорилось в передовой английской газеты “Таймс” 17 сентября 1943 года по этому поводу: “Главное значение возрождения Патриархии и Синода надо усматривать в национальной жизни внутри России. За последние 7–8 лет советские вожди критически пересмотрели идеи, которые были приняты в качестве догмы во время революции 1917 года, подкрепив и укрепив одни из них, изменив и отказавшись от других. Идея патриотизма и преданности родине освобождена от того пренебрежения, с каким к ней относились в первые годы большевизма, теперь она глубоко почитается. Восстановлена поруганная и осмеянная в своё время святость семьи и семейных уз... Частью этого общего процесса является новое признание религии как идеи, с которой должен считаться новый политический порядок и при котором обоюдная лояльность вполне совместима. Избрание Патриарха... можно понимать как признание русскими свободы вероисповедания” (33).

Итоги “перемены курса” стали поистине впечатляющими. В СССР утроилось по сравнению с довоенным временем количество действующих православных храмов и составило к лету 1945 года 10547, открылось 8 духовных школ (17, л. 22–24; 21, л. 1, 3). Главным же итогом кремлёвской встречи стало возобновление деятельности церковных соборов. В миг смертельной опасности наши руководители вновь прибегли к единственному спасительному средству – обратились к творческой энергии русской исторической традиции, к духу соборности, единения, всенародного сплочения. Через соборность народ наш из века в век осмысливал жизнь как служение и самопожертвование, осознавал свою общность, коренящуюся в общем служении вечной правде. И наиболее ярко это выражалось в тяжёлые для Отечества годы.

В это же время русская история, русский народ и национальные культуры из объектов глумления, грязных оскорблений и нападок стали объектами почитания, вернулись на своё законное, почётное место. Учёные заговорили о том, что “обличения русского народа могут быть по вкусу лишь тем историкам, которые не сумели понять глубоких дарований, великой умственной, социальной и технической энергии, заложенных в русском народе”, что “насмешки... над невежеством и варварством русского народа антинаучны”, что “подобные обвинения есть злостный миф, заключающий в себе суждения большей части европейцев о России и русских людях...” Вдруг оказалось, что на подобный “обличительный акт у России есть достойный ответ”, причём “отвечает уже не только наука, а вся многообразная жизнь русского народа” (8, с. 182–185).

Знаменитый сталинский тост на победном банкете “за великий русский народ” как бы подвёл окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделал патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии.

Уже в первые месяцы войны в СССР началось стихийное движение за открытие церквей. В городах и сёлах страны созывались собрания верующих, на которых избирались исполнительные органы и уполномоченные по ходатайствам об открытии храмов (18, л. 111). Иногда такие собрания возглавлялись председателями колхозов, выступавшими ходатаями за открытие церквей, собиравшими подписи верующих, и были случаи, когда им оказывали содействие работники горисполкомов, райисполкомов и сельсоветов. Так, в Ленинградской области председатели ряда сельсоветов оказывали помощь верующим тем, что заверяли их подписи с просьбами об открытии храмов и лично направляли описки в вышестоящие инстанции для регистрации религиозных общин (18, л. 2, 149; 20, л. 23).

В военные годы многие военачальники, не говоря уже о простых солдатах, считали своим долгом присутствовать на церковных службах, участвовать в крестных ходах и молебнах. Были случаи, когда с фронтов посылались срочные телеграммы с настойчивыми просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Православной Церкви (12, л. 14; 14, л. 193; 13, л. 114; 16, л. 45; 19, л. 93).

В 1944 году была издана небольшая, но весьма содержательная книга историка и искусствоведа Н. Н. Воронина “Памятники русской архитектуры”,

в которой рассматривались проблемы сохранения русских архитектурных памятников. Автор указывал, что в "... массовой работе по пропаганде художественного и исторического значения памятников русского зодчества следует делать особый упор на разъяснение значения древних храмов и монастырей. В ряде мест антирелигиозная работа приняла совершенно ложный и вредный характер, когда памятники русского зодчества мирового значения, например, Успенский собор во Владимире, освещались в экскурсионной работе и в печати только как "очаг мракобесия". С этим вреднейшим перегибом надо вести решительную борьбу, выдвигая на первый план культурную роль церкви, художественное и национально-историческое значение того или иного памятника церковной архитектуры. Это... будет отвечать исторической правде, поставит церковные памятники на должное место и, наконец, облегчит дело их охраны" (9, с. 93).

В кинохронике начали показывать немислимые ещё недавно кадры: в освобождённых городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знаменем, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих, и т. д. Так, советскую хронику, посвящённую победе Красной армии над фашистскими войсками под Москвой в декабре 1941 года, открывает звон колоколов всех московских церквей и крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами, зовущими русских людей на решительный бой за Родину (24, с. 332).

Иерархи РПЦ в годы войны не только сумели сохранить Православие, но и усилить позиции Церкви в обществе с целью его последующего духовно-нравственного возрождения. В годы Великой Отечественной войны, когда вся страна поднялась на борьбу с врагом, когда государство мобилизовало весь народ на национальную войну, на войну священную, была отброшена интернациональная идеология. Перед лицом смертельной угрозы иноземного поражения был отвергнут лозунг 20-х годов о "проклятии патриотизма". После двадцатилетней борьбы властей с "великодержавным шовинизмом" они вдруг вспомнили, что русский народ – это великий народ, а Советский Союз – это, прежде всего, Великая Россия. Священная война востребовала национально-государственный инстинкт русского народа – основателя и стержня российской государственности – и восстановила чувство национальной солидарности, разрушенное классовым интернационализмом. Была наконец-то воссоединена разорвавшаяся нить русской и советской истории. Единодушие и сплочённость людей, обретение своих корней, своих святынь и стали залогом нашей Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Историки мира спорят. М., 1994.
2. Бахрушин С. В. К вопросу о Крещении Руси // Историк-марксист. 1937. № 2.
3. Безбожник. 1938. № 5.
4. Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2.
5. Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
6. Вернадский Г. В. Русская история. М., 1997.
7. Верт Н. История советского государства. М., 1995.
8. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Ташкент, 1942.
9. Воронин Н. Н. Памятники русской архитектуры. М., 1944.
10. Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. М., 1990.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 13.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3.
17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4.

18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. .
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37.
22. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
23. Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995.
24. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.
25. Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
26. Правда. 1943. 30 мая.
27. Правда. 1943. 25 сентября.
28. Правда. 1943. 8 октября.
29. Правда. 1943. 14 октября.
30. Правда. 1944. 1 января.
31. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1944.
32. Центр хранения современной документации. Ф. 89. Перечень 62. Дела 3, 8.
33. The Times. 17.09.1943.
34. The Times. 27.12.1943.